

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-200

EDN: OESOYI

Этноязыковые характеристики фразеологии чавакано в истории и современности

Диана Михайловна Миронова

Доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет. 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

mir-lina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1450-515X>

Аннотация. Статья написана в русле контактной лингвистики, относительно молодого и развивающегося направления лингвистической науки. Будучи нелинейным, естественным, генетически многофакторным феноменом, гибридные языковые образования сегодня осмыслены как привлекательный и актуальный для изучения объект языкознания. В качестве объекта нашего исследования избраны фразеологические единицы креольского языка чавакано, сложившегося на территории Филиппин в период XVI–XIX веков на фоне и под влиянием перехода страны в испанское управление. В современной языковой ситуации, среди других контактных языков на испанской основе, чавакано характеризуется наибольшей витальностью, но вместе с тем носит миноритарный статус и представлен в лингвистических описаниях, особенно отечественных, не столь значительно, фрагментарно. В частности, с антропоцентрических позиций и при учёте достижений контактной лингвистики не получил должного освещения фразеологический фонд данного языка.

Цель нашей работы – проанализировать фразеологизмы языка чавакано с точки зрения их этноязыковых характеристик. Специальное внимание в статье уделено свойствам строения и культурной составляющей семантики этих единиц. На основе сопоставительного и структурного методов выделены группы фразеологизмов по составу и структуре, которые в той или иной мере воплощают в себе черты языковой конвергенции. Социокультурная сторона объекта рассмотрена в опоре на теорию идентификации и локализации культурологической компоненты в речезыковых фактах. На уровне значений и внутренней формы фразеологизмов выявлены вербализованные в них типы культурных компонент. В рамках последних очерчен круг концептов, соотносимых с реалиями прошлого и настоящего страны, востребованными в сообществе носителей чавакано на уровне материальной или духовной культуры. Намечены перспективы дальнейшей разработки вопроса с привлечением аппарата лингвокогнитологии и социолингвистики.

Ключевые слова: гибридный язык на романской основе; контактная лингвистика; креольский язык; лингвокультурология; фразеология; язык чавакано; языковой контакт

«Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

Для цитирования: Миронова Д. М. Этноязыковые характеристики фразеологии чавакано в истории и современности // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 200–212. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-200>. <https://elibrary.ru/OESOYI>

Original article

Ethno-linguistic characteristics of chavacano phraseology in history and today

Diana M. Mironova

Doctor of philological sciences, assistant professor, department of theoretical and applied linguistics, South-West state university. 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya st., 94

mir-lina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1450-515X>

Abstract. The article is written in the light of contact linguistics, a relatively young and developing branch of linguistic science. Being a nonlinear, natural, and genetically multifactorial phenomenon, a hybrid language is now understood as an attractive and relevant object of linguistics.

The object of our study is the phraseological units of the chavacano creole language, which developed in the Philippines in the XVI–XIX centuries against the background and under the influence of the country's transition to spanish governance. In the modern linguistic situation, among other spanish-based contact languages, chavacano is characterized by the greatest vitality, but at the same time it has a minority status and is represented insignificantly, in linguistic descriptions, especially national ones. In particular, the phraseology of this language has not been adequately covered from anthropocentric viewpoints and taking into account contact linguistics achievements.

The aim of this work is to analyze the phraseological units of the chavacano language in terms of their ethno-linguistic characteristics. The article pays special attention to the structure and cultural components in the semantics of these units. Using the comparative and structural methods, the author divides phraseological units according to their composition and structure, which to a certain extent express the features of linguistic convergence.

The sociocultural side of the object is considered basing on the theory of the cultural component identification and localization in speech-language facts. The types of cultural components are revealed at the level of phraseological meanings and the inner form. Within the framework of the cultural components, the author outlines a range of concepts that relate to the realities of the country's past and present, which are important for the community of chavacano speakers at the level of material or spiritual culture.

In conclusion the paper suggests some possible prospects for further development of the issue with the help of linguistic cognitology and sociolinguistics.

Key words: romance-based hybrid language; contact linguistics; creole language; cultural linguistics; phraseology; the chavacano language; language contact

The work is done within the framework of the development program «South-West State University» in the project The Priority 2030

For citation: Mironova D. M. Ethno-linguistic characteristics of chavacano phraseology in history and today. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2025;(2):200–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-200>. <https://elibrary.ru/OESOIY>

Введение

Постижение системы языка в её связях с многомерной средой представляет характерную черту современной лингвистики. Открывая всё новые грани языковой антропоцентричности, оно по праву остаётся востребованным при объяснительном и комплексном подходе к объекту науки о языке. Интерес лингвистов к социокультурным, историческим и когнитивным феноменам, влияющим на те или иные стороны языковой системы, содействовал переосмыслению на почве «внешней лингвистики» широкого множества рече-языковых фактов. В совокупности они охватывают строение, функции, развитие, проявления целостности языковой системы, рассмотренные в масштабе общей или частной лингвистики. Вместе с тем, как это бывает в научном процессе, не все стороны и разновидности изучаемого объекта получают равнообъемное освещение с позиции актуальной лингвистической парадигмы. Так, недостаточно изученными в этом ключе можно считать языковые контакты и их последствие – контактные идиомы, среди которых сегодня известны интересующие нас креольские языки, сложившиеся на романской основе. Относительная немногочисленность в мировом масштабе, бесписьменный характер и неофициальный статус большинства контактных идио-

мов, а также преимущественно устная форма бытования делают языковые образования подобного рода менее доступными для исследователя. Это сочетается со сравнительно небольшим (менее чем вековым) опытом научного описания, адекватного всей многофакторности и системной нелинейности их становления и функционирования.

Как самостоятельная отрасль языкознания контактная лингвистика зарождается в XX столетии в связи с устойчивым развитием типологии и компаративистики и, в частности, в контексте построения классификаций языков мира. Во второй половине прошлого века определённым стимулом её формирования послужила, кроме того, антропоцентрическая «повестка дня» с её вниманием к вопросам межкультурной коммуникации: условиям её возникновения и реализации, видам интеракций, их вербальным и невербальным последствиям [Вайнрайх 1953; Ильяшенко, 1970; Bal 1977; Асфандияров, 1980; Еремина, 1980; Ярцева, 1986; Дьячков, 1987; Lehistе, 1988; Ngara, 1993]. Насчитывается менее века со времени выхода основательных трудов по контактной лингвистике (см., к примеру, труды Щерба, 1936, Вайнрайх, 1953, Ильяшенко, 1970, Дьячков, 1987, Багана, Хапилина 2010) и около полутора веков с момента рождения отдельных, но эвристичных для неё научных идей

(например, в сочинении Г. Асколи «*Studii orientali e linguistici*», 1854 г., в монографии Г. Пауля «*Prinzipien der Sprachgeschichte*», 1880 г., или «*Slawo-Deutsches und Slawo-Italienisches*» Г. Шухардта, 1884 г.). Как следствие, представители «контактного» направления отмечают ряд «издержек его роста», отмечая пока ещё «зыбкий» понятийный аппарат, отсутствие чёткой методологии анализа и методики описания контактных феноменов, а также слаженной, общепринятой теории во взглядах на природу языковой конвергенции [Ильяшенко, 1970; Багана, 2010]. Кроме этого, ведутся дискуссии относительно центральных задач в исследованиях территориального взаимодействия языков.

В современном романском языкознании наличествует несколько десятков обстоятельных работ, посвящённых языковой ситуации в полилингвальных ареалах. Свидетельства лингвистов, а также репозиторий электронной библиотеки e-library [Дьячков, 1987, с. 11–12; Креольские языки] приводят к заключению о том, что наиболее изучены в структурном и социолингвистическом отношении креольские языки с достаточным количеством носителей, проживающих главным образом в бывших колониальных странах Африки, Океании, Центральной Америки, Карибского бассейна и бассейна Индийского океана. Такие языки складывались, как правило, на базе английского, французского и португальского языков. Доля этих языков составляет около 20 % от общего числа креольских языков в мире – около 50 [Дьячков, 1987]. Установлено, что в своём функционировании некоторые из них вышли за пределы обиходно-бытовой сферы и стали официальными. На материале этих и некоторых других гибридных языков выработаны и обоснованы сущностные принципы, регулирующие формирование контактных идиомов с участием интра- и экстралингвистических характеристик.

Анализ литературы по проблеме позволяет заключить, что эти принципы дополняют друг друга и в ряде трудов зачастую оказываются созвучными, что повышает уровень их верификации. Так, *во внутриязыковом плане* для территориального взаимодействия языков, как считается, характерны эксплицитность грамматических техник и, следовательно, аналитизм формообразования; обязательное наличие языка-основы; доминирование языка-источника в структурном и фонетическом аспектах; развитие нового идиома из «диссипативных структур с новой самоупорядоченностью» [Карлова, 2008, с. 64];

усложнение структуры языка-креола в сторону агглютинации; заимствование одним языком элементов чужого языка «только если это отвечает тенденциям развития первого и функционально для него благоприятно» [Ильяшенко, 1970, с. 49]. Постулируется также невозможность вывести для всех креолов единый языковой тип, поскольку взаимодействующие в каждом ареале взаимодействующие языковые системы, как правило, весьма различны. При этом факты показывают, что вероятность креолизации больше при контакте разнотипных языков [Вайнрайх, 1979, с. 23]. В целом же креольский язык обычно представляет собой итог нативизации пиджина, которая является следствием расширения его функций и сфер его использования [Дьячков, 1987, с. 9].

В плане экстралингвистическом в доступных нам работах более или менее единообразно очерчены исторические, политические, экономические и культурные факторы межъязыкового взаимодействия, релевантные и в контексте нашей работы. На современном этапе развития языкознания к ним причисляются следующие: *историко-географический фактор* (рассмотрение отношений языков «аборигенов и завоевателей, проживающих на одной или соседних территориях» [Ильяшенко, 1970, с. 15–16]), *социальный фактор* (предпосылки языковых контактов и их глубины коренятся в социально-экономических условиях жизни языковых сообществ, таких как размер языкового коллектива, его стратификация, социальное доминирование носителей языка-источника над носителями языков-субстратов, степень спаянности, от которой зависит уровень гибридации), *политический фактор* (контакты возникают вследствие расширения границ государства, порабощения одних народов другими), *культурный фактор* (уровень грамотности населения, отсутствие языка-посредника, устойчивость и более высокий социальный статус языка, обладающего социальным престижем и связанного со сферой богослужения), *психологический фактор* (взаимодействие языковых систем и отдельных инноваций базируется на психологической дистанции языковых коллективов и имеет когнитивную основу, вовлекая в этот процесс различные участки языковых картин мира, языковой и коммуникативной компетенций у говорящих) [Ильяшенко, 1970, с. 17; Вайнрайх, 1979, с. 28, 44; Дьячков, 1987, с. 10].

Важнейшим методологическим ориентиром контактной лингвистики считается утверждение о необходимости анализа гибридных языков в единстве внешних и внутренних факторов (их отдельных аспектов) и в определённых хронологических рамках [Ильяшенко, 1970, с. 42]. При этом представляется очевидным, что языковую интерференцию в ситуации контакта можно изучать на различных структурных уровнях: от фонетики до синтаксиса, в языке и речи, устной или письменной, в синхронии и диахронии [Ильяшенко, 1970, с. 49–54; Вайнрайх, 1979, с. 26, 38; Карлова, 2008, с. 64].

В ряду языковых сущностей фразеология гибридного языка даёт исследователю весьма богатый материал, который комплексно и рельефно воплощает в себе итоги совместного влияния разнопорядковых факторов, значимых для «кристаллизации» и дальнейшего развития контактного идиома. Такому положению вещей способствует сама природа фразеологических единиц (ФЕ), обладающих статусом прагматически яркой составляющей лексико-фразеологической системы: они «не только обозначают и называют предметы объективной действительности и понятия о них, но одновременно являются специальным языковым средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его» [Эмирова, 2020, с. 49]. Исследователи выделяют экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический компоненты прагматического смысла ФЕ [Эмирова, 2020, с. 71], который тесно связывает их с культурой данного языкового сообщества. В эту же линию вписывается сопряжённость с культурой не только коннотативного (субъективного), но и дескриптивного (более объективного) содержания значения фразеологизмов, отсылающего к реальным признакам денотативной ситуации. Неслучайно в лингвистических работах эти единицы метафорически именуются «зеркалом...идентификации национального самосознания» [Телия, 1996, с. 9], «языком культуры», естественной семиотикой миропонимания [Амосова, 1963].

Такого рода сущностная связь ФЕ с культурой языкового сообщества прослеживается, на наш взгляд, во всех её ключевых антропометрических составляющих: *цивилизационной* (результаты хозяйственной деятельности), *модусной* (способы когнитивного освоения мира) и *социально-психологической* (ценностные характеристики

менталитета, внутренние, внешние качества и состояния участников социума). Две последние включают в себя социальные ценности, символы, эталоны и стереотипы, установки и приоритеты обиходно-бытовой картины мира (о видах культурной компоненты в языке см. исследование [Иванова, 2005]). Ср. также высказывание В. Н. Телии о том, что во фразеологическом корпусе отражаются «*все типы отношений субъекта к...фрагментам*» картины мира (курсив автора статьи) [Телия, 1996, с. 9]. Таким образом, важнейшее место в концептуальной основе и семантической структуре ФЕ как единицы вторичной номинации (характеризации) занимает интерпретационный аспект передаваемого содержания.

Результаты интерпретации объективного или субъективного концептуального содержания ФЕ-идиом в категориях культуры закрепляется и транслируется последующим поколениям благодаря внутренней форме, которая, с учётом значимости её прагматической функции, выступает как «обязательный элемент ономазиологической структуры фразеологических единиц» [Эмирова, 2020, с. 123]. Образное основание как средство воплощения культурно-национальной специфики опосредует концептуализацию социальной действительности, осуществляемую на более высоком уровне абстракции. С участием когнитивных механизмов аналогии (в случае метафоры) или смены фокуса внимания (в случае метонимии) оно отсылает пользователя языком к более конкретному, образному, представлению некоторой типичной реалии и в истории языка во многом предопределяет развитие значения ФЕ, его функционирование, а также задаёт тон стилистической окраске значения.

Высокий прагматический потенциал фразеологизмов в сочетании с наличием у многих из них «культурноносной» внутренней формы обосновывают необходимость и эффективность исследования этих единиц с позиций антропоцентрической парадигмы. Данный подход тем более актуален для гибридных языковых образований, фразеология которых почти не находилась в поле научного внимания.

Таков, в частности, составляющий объект нашего интереса креольский язык чавакано, сложившийся на территории Филиппин в испанский колониальный период (середина XVI в. – конец XIX в.). Исходной точкой его становления исторически послужило усиление торговых и социально-политических связей с метрополией в лице Новой (латиноамериканской) и пиренейской Ис-

пани. Вполне закономерно этот процесс сопровождался регулярными экспедициями миссионеров с целью обращения в католичество местного населения, приверженцев ислама и язычества. Так, в 1565 г. на о. Себу возникает первое укрепленное испанское поселение [Филиппины], а в 1635 г. для борьбы с набегами мусульман на месте г. Замбоанга (юго-западная оконечность Филиппин) была основана крепость Сан-Хосе, положившая начало географическому центру формирования чавакано. Как следствие, имело место активное социокультурное взаимодействие с полиэтническим автохтонным населением, в котором преобладали представители австронезийской языковой семьи Юго-Восточной Азии, в частности, такие этнические общности, как тагалы, висайя, илокано [Золотухин, 2009, с. 74]. В качестве языка-источника безусловно выступал испанский язык того времени, языками же субстратами (в терминологии М. В. Дьячкова [Дьячков, 1987, с. 8]) преимущественно являлись себуанский (островная группа Висайи) и тагальский (островная группа Лусон), относящиеся к уже упомянутой австронезийской семье языков [Чавакано; Fernandez, 2007]. Типологически данные языки относятся к агглютинативным языкам, в синтаксисе главенствует порядок VSO, а словоизменение достигается с помощью системы аффиксов и частиц [Австронезийские языки]. Вследствие того что языковая политика испанских колонизаторов не предусматривала кардинального вмешательства в судьбы местных языков, не предполагала их искоренения, этноязыковая ассимиляция в данном регионе шла естественным образом, а в наши дни упомянутые местные языки соотносятся с испанским и чавакано, скорее, по принципу адстрата.

Название филиппинского идиома «чавакано» / «чабакано» восходит к испанской лексеме *chabacano* / *chavacano* – ‘плохого качества, низкопробный’ (позже – ‘вульгарный; пошлый’), впервые зафиксированной в художественной литературе в XVI веке применительно к фруктам плохого качества. По другой версии, слово вошло в обиход из воровского жаргона испанского языка латинской Америки [Chavacano]. Использование этой номинации с отрицательной оценкой отражало общее отношение испанских иммигрантов к просторечной и упрощенной форме языка, которую развивали аборигены, а также метисы в прибрежном районе форта, по сравнению с образцовой, литературной, формой испанского.

В настоящее время термин «чавакано» в широком смысле объединяет все существующие и когда-либо существовавшие гибридные языки на испанской основе; в узком его значении имеется в виду наиболее устойчивый и распространенный на Филиппинах креолизированный язык города Замбоанга, который, подчёркивая языковой ландшафт, иногда называют главным латинским городом Азии. Чавакано имеет письменность на латинской основе, используется в СМИ и характеризуется более или менее стабильной передачей из поколения в поколения [Álvarez-Piñer, 2018; Chavacano de Zamboanga]. Согласно статистическим данным, среди ~ 175 языков и диалектов [Фролова, 2013] им владеют около 600 тысяч жителей, тогда как в целом по стране насчитывается около 900 тысяч пользователей этим языком (для сравнения: испанским языком на многонациональной территории современных Филиппин более или менее активно пользуется около 3 миллионов человек, государственным английским – около миллиона, на государственном тагальском, своего рода филиппинском лингва-франка, говорят около 50 миллионов) [Филиппинские языки; Cebuano language]. Язык чавакано дифференцирован на официальный и неофициальный варианты, которые, в плане своего состава, выделяются по доминированию в них испанской либо иноязычной лексики, заимствованной, главным образом, из тагальского и себуанского – второго после тагальского по численности говорящих (около 16 млн. человек). Несмотря на наличие официального варианта, население по-прежнему использует чавакано преимущественно в обиходно-бытовом общении.

Материал и его источники

Исходя из сказанного выше мы определили объектом исследования корпус ФЕ, принадлежащих языку чавакано на современной ступени его развития. Материал в количестве 40 единиц был извлечён из словаря G. De Castro «Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary» (2019 г.) с охватом его основного содержания и зоны электронных комментариев к словарю на платформе ResearchGate. Словарь был создан на основе записей устной обиходной речи. Перевод словарных дефиниций с английского языка на русский был осуществлён нами. Кроме того, мы обращались к словарю на платформе Glosbe [Glosbe] для уточнения семантики отобранных единиц на основе иллюстраций их употребления. Ценность

двух последних источников определялась чрезвычайно малой традицией лексикографирования идиоматики чавакано. С учётом специфики полученного материала дальнейший анализ выстраивался в сочетании системно-структурного и антропоцентрического подходов к строению, значению и этимологии фразеологизмов.

Из числа научных методов в качестве ведущих применялись лингвокультурологический анализ и сопоставительный метод. Первый из них использовался при исследовании семантической репрезентации культурных компонент на уровне фразеологии. Вторым был ориентирован на выявление характеристик каждого из контактных языков, «отобранных» в ходе исторического развития и закрепившихся в форме или содержании «гибридных» фразеологизмов. Сопутствующую роль для нас играли такие общенаучные и специальные методы, как дескриптивный, полевой, аксиоматический, а также дефиниционный и концептуальный виды лингвистического анализа.

Результаты исследования

На первом этапе в поле внимания находились характеристики лексического состава и грамматической структуры этих единиц, сложившиеся за счёт комплексного влияния тех внутри- и внеязыковых факторов, которые сопровождали взаимодействие испанского языка с местными идиомами. В заданном аспекте строения отметим следующие группы ФЕ:

1. Заимствованные из языка-источника, то есть из испанского языка метрополии (~40 %). Сопоставление нашей выборки с единицами испанской фразеологии [Левинтова, 1985; Платонова, Шерстнев 2013; Мультигран] показало, что такие единицы могли входить в местный обиход как уже сложившиеся ФЕ, в ином случае фразеологизация свободных синтаксических единиц протекала на колониальной почве. В данной группе, на наш взгляд, допустимо рассматривать большинство фразеологизмов чавакано, к примеру, *busca cen* (от исп. *centavo*) – ‘искать работу’, *busca la vida* – ‘зарабатывать на жизнь’, *caliente boca* – ‘тот, кто пророчит что-либо плохое’, *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *grande tai* – ‘влиятельный, богатый человек’, *marca palabra* – ‘обещать’, *hirvi sangre* – ‘злой; вызывающий злость’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие; что-то плохое’, *lava mano* – ‘снимать с себя ответственность’, *moñeca de pogon* (от исп. *fogón*) – ‘уродливый’, *muerto de risas* – ‘тот, кто сильно

смеётся или экстремально счастлив’, *no hay chance* – ‘не приносит пользы’, *siembra caña* – ‘о том, кто затаил обиду или негодование’, *suda frio* – ‘быть нервным, напряжённым, обеспокоенным’, *tu cuidao* – ‘твоя забота’.

Отдельно отметим фразеологизмы *Duele na orejas* – ‘нервный, раздражённый’, *muerto de (na) risas* – ‘тот, кто сильно смеётся или экстремально счастлив’, *na lata* – ‘неудачник’ с предлогом *na* португальского происхождения, объяснение которого допустимо искать в наличии активных торговых связей Португалии с Латинской Америкой и Китаем, а начиная с 16 века – её колониальной политике в Макао, издавна имевшем коммерческие контакты с филиппинской Манилой.

2. Следующими по репрезентативности выступают ФЕ, содержащие в себе, наряду с испанскими и, реже, английскими, тагальскими или себуанскими лексическими элементами (~13 %). К данному классу правомерно, на наш взгляд, отнести фразеологизмы *ma eche* – ‘неискренний, неоднозначный’ (тагал. *ma* – частица, восходящая к префиксу с семантикой непреднамеренности, неконтролируемости действия [Paraluman S. Aspillera, 2007, с. 93]), *nineteen ninety calawang* – ‘очень старый’ (тагал. *calawang* – ‘ржавчина’), *piti(k) pies* – ‘о человеке, который стремится создать конфликт или причинить неприятность’ (тагал., себуа. *pitik* – ‘курица, цыплёнок’), *queda blanco el uwak* – ‘о невозможности чего-л.’ (тагал., себуа. *uwak* – ‘ворона’), *ta mira* – ‘Я считаю, оцениваю что- или кого-л.’ (*ta* – тагальская частица в начале главной клаузы с последующим придаточным изъяснительным [Bolinao Dictionary, 2025]).

Около 8 % ФЕ фиксируют в своём составе местные прецедентные имена, которые ассоциируются у говорящих со значимыми для их сообщества реалиями. Под реалиями в нашем исследовании мы подразумеваем исторические события, места, личности, известные носителям чавакано и получившие вербализацию. В данном ряду находятся фразеологизмы *Diutay se* – ‘очень большой’ (от себуа. *Diutay* – название небольшого острова в регионе Висайи + исп. «se» < «ese» с опущенной предикативной частицей *ay* между сказуемым и подлежащим согласно правилам тагальской грамматики [Крус, 1966, с. 87]), *Claro ya el Basilan* – ‘выражение уверенности в скорой победе’ (тагал. *Basilan* – название одного из ближайших островов архипелага Сулу, в 17 км от о. Минданао), *tampa si quien* – ‘мнить себя

кем-то, часто – кем-то важным’ (от тагал. *Tampa* < америнд. *Tampa* – большой город штата Флорида, а также название американской больницы, где оказывали эффективную кардиологическую помощь [What is the Meaning of Tampa in Tagalog?]).

3. Своего рода «полярный случай» по сравнению с группой 2 представляют фразеологизмы, в которых испанский лексический состав был оформлен не по правилам испанской грамматики, а под влиянием австронезийских, по всей видимости, тагальских, грамматических и словообразовательных моделей. В нашей выборке такие примеры составили ~15 %. Укажем среди них такие, как *arroz arroz* – ‘очень серьёзный’, *bola-bola* – ‘о чём-либо ложном, сомнительном’ (от исп. *bulo* – ‘ложные слухи, фейк’), *de alla alla* – ‘о том, кто живёт очень далеко’, оформленные с регулярным для тагальского языка способом интенсификации содержания [Jia Wan, 2016]. К этой же группе примыкают *cuchara malabao* – ‘сплетник’ (ср. латиноамер. исп. *malabar* – плутовство [Большой испанско-русский словарь]) и *grueso cara* – ‘бесстыдный, лишённый стыда’ с нарушением согласования, отсутствующим в «языковой технике» субстрата, *poco se/ ese* – ‘огромный; многочисленный’, где наличествует не только энантиосемия адъектива *poco*, но и нетипичный для испанского порядок слов; *talli pa el luz* – ‘о том, кто настаивает, что говорит правду’ (где перед нами чав. *talli* – ‘near’ [Gefillloyd De Castro, 2019] + *pa* – тагальская энклитичная частица при глаголах, одно из значений которой – ‘продолжение, незавершённость действия, ещё’ [Крус, 1966, с. 65]; кроме того, нарушено родовое согласование существительного *luz* с артиклем, поскольку такая техника не знакома субстратным австронезийским языкам).

4. На периферии рассматриваемого корпуса находятся устойчивые, в том числе однословные, единицы, ~7,5 % из которых содержит прецедентные имена, актуальные в сообществе носителей чавакано. Они схожи с ФЕ по воспроизводимости, высокой стереотипизации и культурной значимости. Употребление этих единиц актуализирует некий культурнозначимый характерный признак уникального денотата [Беспалова, 2021, с. 30]. В качестве частных иллюстраций выделяются *Arya* – ‘прогнать кого-то.’ (от санскр. *arya* – ‘ариец; благородный человек, следующий буддистскому пути’), *bulao* – ‘сойти с ума’ (по названию автономного мусульманского района о. Минданао, где доминирует мусульманское

население, потомки арабских торговцев и проповедников, на фоне 90 % филиппинских христиан сегодня) [Discover Bulao in Philippines]. Ср. также (*Na*) *Merloquet* – ‘очень далеко’ (по имени живописных водопадов Мерлокет в 78 км от г. Замбоанга, путь к которым требует времени и физических усилий) [Водопады Мерлокет на Минданао 2025].

Единично (~2 %) в источниках представлены ФЕ с австронезийским лексическим составом: *utuk bulinao* – ‘ограниченное, узкое мышление; человек, им обладающий’ (от себуа. *utuk* – ‘мозг’ и тагал. *bulinao* – ‘вид мелких сероватых рыбок с круглым телом и длинной челюстью – анчоусов или бычков – размером от 1 до 2 дюймов’ [Bolinao Dictionary]).

Подвергаясь фонетической интерференции, а также дальнейшему упрощению в условиях неформальной коммуникации, некоторые романские лексемы закрепились в ненормативной огласовке, как она представлена в устной речи. Так, письменное отражение обрела апокопа в формах инфинитива и существительных: *marca* (< *marcar*), *lava* (*lavar*), *cen* (< *centavo*);

синкопа интервокальной фонемы /d/: *malabao* (< *malabado*), *cuidao* (*cuidado*); переход /f/ > /p/ ввиду отсутствия /f/ в тагальском и себуано: *pogon* (< *fogón*), редукция гласных, которая подкрепляется отсутствием фонологического статуса у различий между [i], [e], как и между [u], [o] [Крус, 1966, с. 18]: *bola* (< *bulo*), *moñeca* (< *muñeca*), *hirvi* (< *hierve*).

На втором этапе анализа мы обратились к тем культурно-языковым взаимодействиям конвергентного сообщества, итоги которых нашли выражение на уровне фразеологического значения и внутренней формы интересующих нас единиц. Здесь запечатлелся специфический для данного идиома итог межкультурной коммуникации, которая сопутствовала образованию нового лингвокультурного сообщества. Так, было установлено, что словарное значение ФЕ соотносится с социально-психологическим и модусным компонентами культуросферы. Вполне закономерна высокая доля номинаций, характеризующих социальное поведение, свойства и состояния лиц (социально-психологический компонент лингвокультуры), если иметь в виду антропоцентричность человеческой когниции и, как следствие, обслуживающей её системы естественного языка. ФЕ этой категории составляют ~55 % выборки: *arya* – ‘прогнать кого-то’, *lava mano* – ‘снимать с себя ответственность’, *Claro ya el*

Basilan – ‘выражение уверенности в скорой победе’, *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *Duele na orejas* – ‘нервный, раздражённый’, *grande tai* – ‘о влиятельном, богатом человеке’, *grueso cara* – ‘бесстыдный’, *Hirvi sangre* – ‘злой’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие’, *marca palabra* – ‘обещать’, *muerto de (na) risas* – ‘тот, кто сильно смеётся или экстремально счастлив’, *na lata* – ‘неудачник’, *piti(k) pies* – ‘о человеке, который стремится создать конфликт или причинить неприятность’, *siembra caña* – ‘о том, кто затаил обиду или негодование’, *suda frio* – ‘быть нервным, напряжённым, обеспокоенным’, *talli pa el luz* – ‘о том, кто настаивает, что говорит правду’, *tampa si quien* – ‘мнить себя кем-то, часто – кем-то важным’, *todo bagon* – ‘глупый’, *utuk bulinao* – ‘человек, обладающий ограниченным мышлением’ и некоторые другие.

Значительную манифестацию в языке чавакано (около 45 %) также получает модусный компонент, поскольку в целом он охватывает широкую область аспектов окружающего мира и жизнедеятельности, находящихся в фокусе интерпретации с точки зрения языкового сознания носителя чавакано. Это могут быть аспекты трудовой и интеллектуальной деятельности (*busca cen* – ‘искать работу’, *busca la vida* – ‘зарабатывать на жизнь’; *bulao* – ‘сойти с ума’, *ta mira* – ‘Я думаю’), пространственной квалификации и причинно-следственных связей (*De alla alla* – ‘о том, кто живёт очень далеко’, *Diutay se* – ‘очень большой’, *ma eche* – ‘не напрямую’, *Merloquet* – ‘очень далеко’; *caliente boca* – ‘тот, кто пророчит что-либо плохое’), рациональной оценки (*No hay chance* – ‘не приносит пользы’, *por pecho* – ‘всерьёз’, *queda blanco el uwak* – ‘о невозможности чего-л.’).

В качестве presupposiciones, лежащих в основе внутренней формы образных ФЕ, служат как общечеловеческие, так и специфические для Филиппин коллективные знания носителей чавакано. Эти элементы картины мира (в порядке убывания репрезентативности) соотносятся с представлениями о физических ощущениях, о внешнем виде человека и частей его тела (*Duele na orejas*, *hirvi sangre*, *Muerto de (na) risas*, *Talli pa el luz*; *grueso cara*, *utuk bulinao*, *moñeca de pogon* – ~29 %), с фактами местной географией и пространственной ориентацией (*Claro ya el Basilan*, *Diutay se*, *Merloquet*; *de alla alla*, *ma eche* – ~16 %), с актуальными сферами трудовой деятельности (*Arroz arroz*, *busca cen*, *siembra caña* – ~13 %), с интеллектуальной (~7 %) и ре-

чевой активностью (~10 %) субъекта (*No hay chance*; *caliente boca*, *larga palabra*, *marca palabra*), характеристиками бытового уклада (*Cuchara malabao*, *lava mano* – ~7 %) и представителей фауны (*Piti(k) pies*, *todo bagon* (от чав. *bagon*, *mag. bahgoong* – ‘паста из креветок’, очень популярный соус в Юго-Восточной Азии [Gefilloyd De Castro, 2019; What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)?, 2023]), *Queda blanco el uwak*, *utuk bulinao* – ~8 %), а также реалиями конфессионального пути государства (*Arya*, *bulao* – ~5 %).

Единичны в обследованном корпусе примеры фразообразования, где отправной точкой в картине мира служат сведения о физических явлениях (*Nineteen ninety calawang*) и о способах восприятия действительности (*Ta mira*). Концепты перечисленных реалий носят статус прототипических структур знания: *Por pecho* – ‘принимать всерьёз’, где метонимически представлен символический архетип мировой культуры «сердце – средоточие человеческих переживаний», *grande tai* – ‘о влиятельном, богатом человеке’, где наличествует социальный прототип обеспеченного жителя Южного Китая, *moñeca de pogon* – ‘уродливый’, где перед нами прототип чумазого человека, замаравшегося у костра или топки, или *Nineteen ninety calawang* – ‘старый’ с упоминанием ржавчины как прототипа ветхости).

В ряде случаев отмеченные концепты содержат в себе идиозмические стереотипы, которые также создают предпосылки для обращения к ним как мотивирующему основанию ФЕ. Скажем, социокультурные стереотипы религиозного характера находим во фразеологизмах *arya* – ‘прогнать кого-то’ (источник – бывшее отношение к буддизму на фоне приоритетного католицизма), *bulao* – ‘сойти с ума’ (источник – имевшее место отношение к одноимённому району о. Минданао, где до колонизации активно складывалось мусульманское население, отделившееся от христиан).

В процессе фразообразования все эти реалии, чувственно воспринимаемые в своём большинстве, играли роль когнитивной опоры (сферы-источника) для метонимической или метафорической, зачастую оценочной, интерпретации явлений общественного уклада Филиппин, а также личностных характеристик членов социума. В ходе культурологической интерпретации при сравнении актуальных фразеологических значений с их мотивировкой налицо ассоциативные переходы, возникающие за счёт этой интерпре-

тации и «скрепляющие» в одной ФЕ культурные компоненты разного типа, разной этнической принадлежности: **модусный** (мотивирующая основа), **социально-психологический** (современное фразеологическое значение): *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *grueso cara* – ‘лишённый стыда’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие’, *tu cuidao* – ‘меня не касается’, *utuk bulinao* – ‘ограниченное, узкое мышление; человек, им обладающий’; **цивилизационный, модусный**: *arroz arroz* – ‘серьёзный’, *busca cen* – ‘искать работу’, а также менее частотный ассоциативный переход **от цивилизационной к социально-психологической компоненте**: *Claro ya el Basilan* – ‘выражение уверенности в скорой победе’; *todo bagon* – ‘глупый’.

В целом же фигуральный план ФЕ вовлекает в своё действие все три составляющих лингвокультуры с преобладанием модусной (~48 % единиц), связанной с умственным освоением окружающего мира, получением и передачей информации о нём. Цивилизационная компонента в этой роли занимает второе место (~28 %). Социально-психологический уровень культуры создаёт наиболее абстрактное образное основание и поэтому манифестирован в ономастической структуре гораздо реже (~2 % выборки), не вызывая при этом ассоциаций с другими культурными составляющими, к примеру, *Evos ya* – ‘Ты уже!’ (межд. в ситуации, когда кто-то повторяет за другим).

С точки зрения постижения этнокультурной специфики, вербализованной во фразеологическом фонде языка чавакано, особый интерес представляют компоненты внутренней формы, соотносимые с объектами, значимыми для местной истории и географии (*Claro ya el Basilan, diutay se, Merloquet, bulao*), с психологически яркими реалиями из сфер экономического уклада (*Arroz arroz, siembra caña, grande tai, tampa si quien*) и конфессиональных отношений филиппинского народа (*Arya*).

Заключение

Результаты анализа, проведённого на текущем этапе исследования, дают возможность сделать несколько выводов.

1. В настоящее время креольский язык чавакано располагает по меньшей мере несколькими десятками фразеологизмов, которые фиксируются в употреблении и небольшом количестве лексикографических источников, доступных широкому пользователю.

2. Ядро фразеологического корпуса этого языка с точки зрения происхождения составляют, как и во многих других языках, фразеологические единства, характеризующие значимую для говорящих денотативную ситуацию образно и целостно. Периферийное положение занимают прецедентные имена, хорошо известные местному лингвокультурному сообществу, регулярно используемые, однако не являющиеся сверхсловными единицами.

3. Состав и структура материала отражает в себе переплетение свойств строения языковых систем, взаимодействующих на территории филиппинского ареала, а также элементов внешнего контекста их бытования. Это ещё раз подтверждает заявленную в методологии контактной лингвистики необходимость исследовать итог языковой конвергенции в единстве внутренних и внешних факторов существования естественного языка.

4. Учитывая более чем трёхвековое подчинение испанской короне, доминирующее положение занимают ФЕ с испанским лексическим составом, который, однако, может соседствовать с вкраплениями из автохтонных языков (тагальский и себуано), может частично подвергаться интерференционным изменениям звукового облика или оформляться грамматически по законам языка-субстрата. Преобладание этой группы единиц вполне отвечает универсалии контактной лингвистики, признающей язык-источник главным «поставщиком» лексики при конвергенции языков.

5. Содержание основной массы ФЕ восходит к оценочно-образному сопоставлению характеризующих объектов с уже известным и носителям чавакано фрагментами опыта освоения окружающей действительности. Наибольший интерпретирующий потенциал демонстрируют пресуппозиции, связанные с представлениями о физических признаках человека, о реалиях географического порядка и хозяйственном укладе Филиппин (27, 20 и 15 % соответственно). В своей совокупности эти опорные элементы картины мира соотносятся со всеми тремя аспектами культуросферы: модусным, цивилизационным и социально-психологическим.

6. За счёт устойчивых и воспроизводимых ассоциаций обозначаемого со стереотипами / прототипическими представлениями, лежащими внутри данных аспектов культуры, создаются межконцептуальные переходы, соединяющие фразеологическое значение с исходной внутренней формой

ФЕ (семантикой исходных сочетаний). Наличие валидной мотивировки позволяет, как подчёркивала А. М. Эмирова, «оперативно и с минимальной затратой усилий назвать какую-либо реалию и одновременно выразить свое отношение к ней» [Эмирова, 2020, с. 124–125]. Тем самым обеспечивается оптимальное решение актуальных для фразеологизма прагматических задач: речевое воздействие (апеллятивный компонент значения) в сочетании в самовыражении говорящего при употреблении фразеологизма (экспрессивный компонент значения ФЕ).

7. В свою очередь, фразеологическая абстракция внутренней формы направлена в сторону характеристики социально-психологических и когнитивных феноменов, включённых в жизнедеятельность филиппинского народа (социально-психологический и модусный компоненты культуры). При этом количественно выделяются средства оценочной характеристики лиц по умственным и поведенческим качествам (~ 55 %); при этом, в соответствии с законом социального предостережения (ссылка), номинации зачастую подлежат феномены, отрицательно оцениваемые социумом, так что и сама оценка носит отрицательный характер.

Перспективы дальнейшей работы в данном направлении видятся автору в уточнении психологически реального прагматического потенциала ФЕ на основе экспериментов с участием пользователей чавакано. В русле языковой ситуации, в которой английский и тагальский языки охватывают всё больше носителей и сфер коммуникации на Филиппинах, определённую научную ценность представляет социолингвистический анализ употребления фразеологии гибридного языка. Кроме того, интересным и необходимым для углубления сведений о природе фразеологизмов, рождённых в ситуации языкового контакта, предстаёт последовательное использование достижений когнитивной лингвистики. Полагаем, что это позволит более точно очертить круг форматов знания и видов концептуализации / категоризации, «след» которых запечатлелся в истории и бытовании идиоматики чавакано. Такой подход поможет выстроить картину соотношения объективного и субъективного знания в семантике ФЕ конкретного этноязыкового сообщества, что, по мысли В. Н. Телии, представляет неотложную задачу фразеологии в эпоху антропоцентризма [Телия, 1996, с. 56].

Библиографический список

1. Австронезийские языки // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1799050?ysclid=m78xo4hrs977625942> (дата обращения: 05.02.2025).
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 207 с.
3. Асфандияров И. У. К вопросу об общих методах исследования двух разнотипных контактирующих языков // Вопросы языкознания. 1980. № 1. С. 49–58.
4. Багана Ж. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. Москва: Флинта: Наука, 2010. 123 с.
5. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29–46.
6. Большой испанско-русский словарь. URL: https://gufo.me/dict/esru_full (дата обращения: 05.02.2025).
7. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
8. В каких странах говорят на испанском // Всё об Испании. URL: <https://spainmag.ru/v-kakix-stranax-govoryat-na-ispanskom/> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Водопады Мерлокет на Минданао // Openarium.ru – справочник туриста. 2025. URL: <https://openarium.ru/poi/49864229/> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука, 1987. 108 с.
11. Еремина К. Н. К проблеме языковых контактов: Европеизмы в современном персидском языке. Москва: Наука, 1980. 70 с.
12. Золотухин И. Н. Филиппинский архипелаг в зеркале этнической ситуации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3(10). С. 71–85.
13. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Москва: РГБ, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-aspekt-issledovaniya-yazykovykh-edinit?ysclid=m78wzl6gu467149079> (дата обращения: 01.02.2025).
14. Ильяшенко Т. П. Языковые контакты: на материале славяно-молдавских отношений. Москва: Наука, 1970. 208 с.
15. Карлова Е. А. Особенности формирования франко-креолей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 20(49). С. 63–65.
16. Креольские языки. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 25.01.2025).

17. Крус М. Тагальский язык / М. Крус, Л. И. Шкарбан. Москва : Наука, 1966. 101 с.
18. Левинтова Э. И. Испанско-русский фразеологический словарь / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая. Москва : Рус. яз., 1985. 1076 с.
19. Мультитран: испанско-русский. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2> (дата обращения: 07.02.2025)
20. Платонова Е. Е., Шерстнев А. Н. Современный испанско-русский. Русско-испанский словарь / Е. Е. Платонова, А. Н. Шерстнев. Москва : АСТ, 2013. 863 с.
21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 284 с.
22. Филиппинские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/216/filippinskie-yazyki.htm> (дата обращения: 29.01.2025)
23. Филиппины // Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ФИЛИППИНЫ?ysclid=m77dud8vsi15232380 (дата обращения: 03.02.2025)
24. Фролова Е. Г. История изучения филиппинских языков и языковой ситуации на Филиппинах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. Вып. № 3. С. 168–178.
25. Чавакано // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4679184?ysclid=m6ti7ofsf1943787076> (дата обращения: 18.01.2025).
26. Щерба Л. В. О понятии смешения языков. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
27. Эмирова М. А. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении : монография. Симферополь : Научный мир, 2020. 228 с.
28. Ярцева В. Н. Языковые контакты в условиях близких и далеких культур // Литература, язык, культура. Москва : Наука, 1986. С. 147–151.
29. Bolinao Dictionary, 2013. URL: <https://www.webonary.org/bolinao/g7d03a1ea-c994-4452-a486-bf81051059b3/> (дата обращения: 18.02.2025).
30. Carlos Madrid Álvarez-Piñer. El idioma chavacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI / Idiomas de base Española // Centro Virtual Cervantes. 2018. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iecibe/08_madrid.htm (дата обращения: 29.01.2025).
31. Cebuano language / MustGo Travel. URL: <https://www.mustgo.com/worldlanguages/cebuano/> (дата обращения: 23.01.2025)
32. Chavacano // Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <https://etimologias.dechile.net/?chavacano> (дата обращения: 22.01.2025).
33. Chavacano de Zamboanga: Early History (1635–1718) // www.zamboanga.com. URL: https://www.zamboanga.com/html/history_Chavacano_de_Zamboanga.htm (дата обращения: 22.01.2025).
34. Discover Bulao in Philippines // Bulao Destination Guide. URL: <https://trip-suggest.com/philippines/autonomous-region-in-muslim-mindanao/bulao> (дата обращения: 12.02.2025).
35. Fernandez Mauro. La partícula «con» en chavacano, el español de Filipinas y el «Taglish» // Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes. Coruña : Maria Iliescu, Heidi Siller-Runggaldier, Paul Danler. 2007. P. 305–313.
36. Gefilloyd De Castro. Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600550_Chavacano_de_Zamboanga_Idiomatic_Expressions_and_Chavacano-English_Dictionary (дата обращения: 15.01.2025).
37. Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com/> (дата обращения: 04.02.2025).
38. Jia Wan. Reduplication in Tagalog verbs // Tagalog RED. 2016. URL: <https://soologua.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/03/reduplication-in-tagalog-verbs.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
39. Lehiste I. Lectures on language contact. Cambridge : MIT press, 1988. 119 p.
40. Ngara E. L'influence des langues et la culture: observations sur l'impact de l'anglais sur le shona // Diogene. 1993. № 161. P. 31–39.
41. Paraluman S. Aspillera. Basic Tagalog for Foreigners and Non-Tagalogs / Aspillera Paraluman S. Rutland, Vt. : Tuttle Publishing, 2007. 244 p.
42. What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)? 2023. URL: <https://iankewks.com/bagoong-alamang-filipino-shrimp-paste/> (дата обращения: 18.02.2025).
43. What is the Meaning of Tampa in Tagalog? // Dutch to English Translation Services – DutchTrans. URL: <https://www.dutchtrans.co.uk/what-is-the-meaning-of-tampa-in-tagalog/> (дата обращения: 10.02.2025).

Reference list

1. Avstronezijskie jazyki = Austronesian languages // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1799050?ysclid=m78xo4hrs977625942> (дата обращения: 05.02.2025).
2. Amosova N. N. Osnovy anglijskoj frazeologii = Basic English phraseology. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1963. 207 S.
3. Asfandijarov I. U. K voprosu ob obshhih metodah issledovaniya dvuh raznosistemnykh kontaktirujushhih jazykov = Towards general research methods for two differently-systemic contacting languages // Voprosy jazykoznanija. 1980. № 1. S. 49–58.
4. Bagana Zh. Kontaktnaja lingvistika : vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm = Contact linguistics : language

interaction and bilingualism / Zh. Bagana, E. V. Hapilina. Moskva : Flinta : Nauka, 2010. 123 s.

5. Bepalova E. A. Frazеologizmy mifologicheskogo proishozhdenija s komponentom – precedentnym imenem: osobennosti stroenija i upotreblenija (na primere gazetnyh tekstov) = Phraseological expressions of mythological origin with a component - precedent name: specifics of structure and usage (on newspaper texts) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 69. S. 29–46.

6. Bol'shoj ispansko-russkij slovar' = Big Spanish-Russian dictionary. URL: https://gufo.me/dict/esru_full (data obrashhenija: 05.02.2025).

7. Vajnrakh U. Jazykovye kontakty = Language contactS. Kiev : Vishha shkola, 1979. 263 s.

8. V kakih stranah govoryat na ispanskom = Which countries speak Spanish // Vsjo ob Ispanii. URL: <https://spainmag.ru/v-kakix-stranax-govoryat-na-ispanskom/> (data obrashhenija: 01.02.2025).

9. Vodopady Merloket na Mindanao = Merloquet Falls in Mindanao // Openarium.ru – spravochnik turista. 2025. URL: <https://openarium.ru/poi/49864229/> (data obrashhenija: 15.02.2025).

10. D'jachkov M. V. Kreol'skie jazyki = Creole languageS. Moskva : Nauka, 1987. 108 s.

11. Eremina K. N. K probleme jazykovyh kontaktov: Evropeizmy v sovremennom persidskom jazyke = Towards the linguistic contact problem: Europeanisms in the modern Persian language. Moskva : Nauka, 1980. 70 s.

12. Zolotuhin I. N. Filippinskij arhipelag v zerkale jetnicheskoy situacii = The Philippine archipelago in the mirror of the ethnic situation // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2009. № 3(10). S. 71–85.

13. Ivanova S. V. Lingvokulturologicheskij aspekt issledovaniya jazykovyh edinic = Linguoculturological aspect in studying linguistic unitS. Moskva : RGB, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-aspekt-issledovaniya-yazykovykh-edinits?ysclid=m78wzl6gu467149079> (data obrashhenija: 01.02.2025).

14. Il'jashenko T. P. Jazykovye kontakty: na materiale slavjano-moldavskih otnoshenij = Language contacts: based on Slavic-Moldavian relationS. Moskva : Nauka, 1970. 208 s.

15. Karlova E. A. Osobennosti formirovanija franko-kreolej = Specificities of forming franco-creoles // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. № 20(49). S. 63–65.

16. Kreol'skie jazyki = Creol languageS. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (data obrashhenija: 25.01.2025).

17. Krus M. Tagal'skij jazyk = The Tagalog language / M. Krus, L. I. Shkarban. Moskva : Nauka, 1966. 101 s.

18. Levintova Je. I. Ispansko-russkij frazeologicheskij slovar' = Spanish-Russian phraseological dictionary / Je.

I. Levintova, E. M. Vol'f, N. A. Movshovich, I. A. Budnickaja. Moskva : RuS. jaz., 1985. 1076 s.

19. Mul'titran: ispansko-russkij = Multitran: Spanish-Russian. URL:

<https://www.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2> (data obrashhenija: 07.02.2025)

20. Platonova E. E., Sherstnev A. N. Sovremennij ispansko-russkij. Russko-ispanskij slovar' = Modern Spanish-Russian. Russian-Spanish dictionary / E. E. Platonova, A. N. Sherstnev. Moskva : AST, 2013. 863 s.

21. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspectS. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 284 S.

22. Filippinskie jazyki = Philippine languages // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/216/filippinskie-yazyki.htm> (data obrashhenija: 29.01.2025)

23. Filippiny = The Philippines // Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/FILIPPINY?ysclid=m77dud8vsi15232380 (data obrashhenija: 03.02.2025)

24. Frolova E. G. Istorija izuchenija filippinskih jazykov i jazykovoj situacii na Filipinah = History of studying Philippine languages and the linguistic situation in the Philippines // Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'. 2013. Vyp. № 3. C. 168–178.

25. Chavakano = Chavacano // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4679184?ysclid=m6ti7sf1943787076> (data obrashhenija: 18.01.2025).

26. Shherba L. V. O ponjatii smeshenija jazykov. = On the concept of language mixing. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (data obrashhenija: 20.01.2025).

27. Jemirova M. A. Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticheskom osveshhenii = Russian phraseology in communicative-pragmatic light : monografija. Simferopol' : Nauchnyj mir, 2020. 228 s.

28. Jarceva V. N. Jazykovye kontakty v uslovijah blizkih i dalekih kul'tur = Language contacts in close and distant cultures // Literatura, jazyk, kul'tura. Moskva : Nauka, 1986. S. 147–151.

29. Bolinao Dictionary, 2013. URL: <https://www.webonary.org/bolinao/g7d03a1ea-c994-4452-a486-bf81051059b3/> (data obrashhenija: 18.02.2025).

30. Carlos Madrid Álvarez-Piñer. El idioma chabacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI / Idiomas de base Española // Centro Virtual CervanteS. 2018. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iecipe/08_madrid.htm (data obrashhenija: 29.01.2025).

31. Cebuano language / MustGo Travel. URL: <https://www.mustgo.com/worldlanguages/cebuano/> (data obrashhenija: 23.01.2025)

32. Chavacano // Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <https://etimologias.dechile.net/?chabacano> (data obrashhenija: 22.01.2025).
33. Chavacano de Zamboanga: Early History (1635–1718) // www.zamboanga.com. URL: https://www.zamboanga.com/html/history_Chavacano_de_Zamboanga.htm (data obrashhenija: 22.01.2025).
34. Discover Bulao in Philippines // Bulao Destination Guide. URL: <https://trip-suggest.com/philippines/autonomous-region-in-muslim-mindanao/bulao> (data obrashhenija: 12.02.2025).
35. Fernandez Mauro. La particulo «con» en chabacano, el español de Filipinas y el «Taglish» // Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes. Coruña : Maria Iliescu, Heidi Siller-Runggaldier, Paul Danler. 2007. P. 305–313.
36. Gefilloyd De Castro. Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600550_Chavacano_de_Zamboanga_Idiomatic_Expressions_and_Chavacano-English_Dictionary (data obrashhenija: 15.01.2025).
37. Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com/> (data obrashhenija: 04.02.2025).
38. Jia Wan. Reduplication in Tagalog verbs // Tagalog RED. 2016. URL. <https://soologua.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/03/reduplication-in-tagalog-verbs.pdf> (data obrashhenija: 10.02.2025).
39. Lehiste I. Lectures on language contact. Cambridge : MIT press, 1988. 119 p.
40. Ngara E. L'influence des langues et la culture: observations sur l'impact de l'anglais sur le shona // Diogene. 1993. № 161. P. 31–39.
41. Paraluman S. Aspillera. Basic Tagalog for Foreigners and Non-Tagalogs / Aspillera Paraluman S. Rutland, Vt. : Tuttle Publishing, 2007. 244 p.
42. What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)? 2023. URL: <https://iankewks.com/bagoong-alamang-filipino-shrimp-paste/> (data obrashhenija: 18.02.2025).
43. What is the Meaning of Tampa in Tagalog? // Dutch to English Translation Services – DutchTrans. URL: <https://www.dutchtrans.co.uk/what-is-the-meaning-of-tampa-in-tagalog/> (data obrashhenija: 10.02.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025